

ТРАКТАТ В ОБЛИЧЬЕ ПОЭМЫ:
ПОГРАНИЧНЫЙ ЖАНР И ОСОБЕННОСТИ
ЕГО ЯЗЫКОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В. В. Феценко

Институт языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
Поступила в редакцию 10.11.2023 г.
Принята к публикации 23.12.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-2-9

Гибридный жанр «поэтического трактата» достаточно маргинален в системе литературных жанров. Однако он представляет особый интерес как пространство взаимодействия художественного и научного дискурсов (в некоторых случаях еще и с обыденной речью). В XX веке междискурсивное взаимодействие научного и поэтического текста, стиха и прозы приобрело новые экспериментальные формы. На Западе сказало воздействие Л. Витгенштейна и его философии (трактатной формы) на художественные (в том числе поэтические) практики XX века. «Логико-философский трактат» Витгенштейна оказал большое влияние и на поэтов «языковой школы» в США. Витгенштейновская трактатность и ее трактовка у А. Драгомощенко продолжают отзываться и в современной русскоязычной поэзии, в особенности той, которая ассоциируется с линией объективизма.

Материалом исследования послужили тексты поэтических трактатов русского авангарда (И. Терентьева, Д. Хармса, Я. Друскина), современной русскоязычной объективистской поэзии (А. Драгомощенко, А. Скидана, Н. Сафонова) и американского «языкового письма» (Р. Силлимана, Л. Хеджинян, Ч. Бернстина, Б. Перельмана). В статье рассмотрены языковые особенности такого междискурсивного взаимодействия в экспериментальной форме «трактата в обличье поэмы». Отличительные языковые черты жанра трактата как научно-философского сочинения переносятся в поэтический текст: дискурсивные слова и выражения, передающие метатекстовый дейксис и процесс аргументации; специфическая субъективность я-мы, характерная для научного дискурса; отчетливая установка на пропозициональность как носитель истинности-ложности высказывания; четкая математически упорядоченная членимость высказываний.

Ключевые слова: поэтический и художественный дискурс, поэтический трактат, метатекст, дейксис, субъективность, высказывание

И до сих пор не высказана горечь.
Роман, трактат служебен, но не вечен.
Одно хорошее четверостишие
Томов трудолюбивых тяжелей.
Чеслав Милош. Поэтический трактат

Данная статья посвящена жанру поэтического трактата, а точнее — «трактата в обличье поэмы», главным образом в поэзии последнего столетия, направленной на жанровые и языковые эксперименты. В эпи-

графе приведены строчки из Чеслава Милоша (цит. по: Горбаневская, 2012, с. 19) о превосходстве короткого стихотворения над тяжеловесным трактатом. Ирония великого польского поэта в том, что книга, куда входят эти стихи, названа им «Поэтический трактат» (*Traktat poetycki*, 1957), и он действительно читается как философско-историческое сочинение в стихах: не тяжеловесное, но и не легковесное.

Жанр трактата в стихах как пограничный между теоретическим и поэтическим дискурсами ассоциируется прежде всего с такими именами в истории европейской словесности, как Лукреций Кар, Гораций, Никола Буало, Гвидо Аретинский, если говорить только о западной словесности и не брать, например, арабскую, индийскую или китайскую, где таких образцов также немало.

Любопытно, что знаменитая философская поэма Лукреция «О природе вещей» (*De rerum natura*) I века до н. э., написанная гекзаметром, начинается с перформативного обращения к Венере, чтобы та «даровала словам вечную прелесть». В тексте много саморефлексии от первого лица, что, безусловно, есть признак лирической поэзии, перенесенный в данном случае в жанр философского сочинения. Поэтичность текста позволяет автору легче переходить от метафор к понятиям, осуществляя, как мы сказали бы сейчас, концептуальный блендинг. Сама трактатность является признаком научного дискурса, и это обуславливает особенности языка поэмы. Автор от первого лица стремится убедить адресата в истинности содержащихся там положений. Отсюда обилие метадискурсивных маркеров, присущих именно аргументативному дискурсу, как в этом фрагменте, излагающем принципы извлечения звуков речи: *Я продолжаю. Тебе удивляться нимало не надо, / Что сквозь преграды, глазам ничего не дающие видеть, / Звуки доходят до нас и касаются нашего слуха. / Часто, мы видим, идет разговор за затворенной дверью, / Ибо, действительно, там по извилистым голос отверстиям / Может свободно идти, где для образов нету прохода: / Ведь расщепятся они, если эти отверстия не прямы, / Как у стекла, где проплыть может призрак любой без препятствий. / Кроме того, разлетается голос по всем направлениям, / Ибо одни из других голоса возникают: лишь только / Голос раздался один, как дробится сейчас же на много / Так же, как искры огня рассыпаются в новые искры. / Так в потаенных местах голоса постоянно роятся, / И раздается их звук, пробуждая окрестности всюду; / Призраки ж все по пути устремляются только прямому, / Как изначала поили; и поэтому мы не способны / Видеть сквозь стены домов, голоса же оттуда мы слышим. / Впрочем, и голос, когда он проходит в замкнутые двери, / То заглушается всё ж и невнятно внедряется в уши, / Так что скорей не слова, а лишь звуки мы слышим при этом* (Тит Лукреций Кар, 1983, с. 140–141).

Форма трактата подразумевает систематическое, часто полемическое либо дидактическое, рассмотрение какого-либо предмета. Соответственно, характерными лингвистическими маркерами трактата являются коннекторы и логическая связность пропозициональных единиц, а также прагматические маркеры, роднящие в этом отношении аргументативный научный дискурс с повседневной диалогической речью¹. Попадая в эстетически маркированный контекст поэмы, как уже у

¹ См. о лингвистических параметрах трактата как научного жанра: (Опарина, 2015).

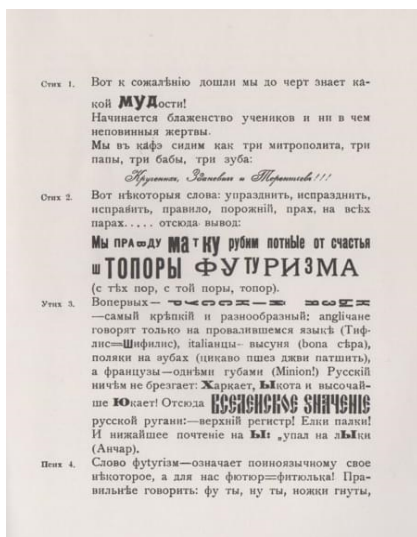

Лукреция или Горация, эти маркеры встраиваются в арсенал поэтических средств организации текста — ритмики, повторов, метафоризации, симметричной композиционности и т. п.

1. Взаимодействие трактатной и поэтической формы в русскоязычном стихе XX—XXI веков

В XX веке междискурсивное взаимодействие научного и поэтического текста, стиха и прозы приобрело новые экспериментальные формы. В русском символизме и авангарде трактат стал одной из форм манифестации новых поэтических стратегий и теорий (см. «Глоссологию», «Жезл Аарона» и «Историю становления самосознающей души» Андрея Белого, «Доски судьбы» Велимира Хлебникова и др.) на границе между научными и художественными жанрами. Причем в текстах Белого практически всегда трактатность нестрогая, ритмизованная и с обилием метафоризации. Поэтому, к примеру, «Глоссология», хоть и трактат по задумке (в котором автор отстаивает связь звуковой и смысловой сторон слова), но назван автором «Поэма о звуке»².

Пародийное и даже карнавальное обыгрывание жанра поэтического трактата осуществляет Игорь Терентьев в ряде футуристических книг-манифестов 1910-х годов³. В «Трактате о сплошном неприличии» (1920) происходит наложение друг на друга элементов поэтического текста (визуально-экспериментального), научного стиля и разговорной речи. Начало текста имеет типичные признаки трактата: пронумерованные тезисы («стих 1», «стих 2», «стих 3», «стих 4» и т. д.); деление на абзацы соизмеримой длины; вынесенные в заголовки структурные элементы («Начало», «Учение о факте»):

² Об особенностях взаимодействия поэтического и научного дискурса у А. Белого см. нашу статью (Фещенко, 2022).

³ О метаязыковой рефлексии в трактатах-манифестах Терентьева см.: (Черняков, 2007).

Характерные для научного дискурса дискурсивные маркеры («во-первых», «во-вторых», «в целом», «а потому», «словом», шрифтовые выделения) перемежаются дискурсивными элементами и конструкциями из разговорной речи («слушай дальше!», «вот к сожалению дошли мы до черт знает какой мудрости», «вот тебе правило», «Итак, будьте искренни!», «же!»), включая сниженную лексику с полускрытыми намеками на общенность (что и подобает названию «о сплошном неприличии»).

Любопытно, что этот авангардистский «трактат» Терентьева вышел в те же годы, в которые Людвиг Витгенштейн писал свой знаменитый «Логико-философский трактат» (*Tractatus Logico-Philosophicus*, написан в 1919 году, опубликован в 1921-м), ставший впоследствии эталоном этого философского жанра и прецедентным текстом для многих литературных экспериментов. Некоторые критики обсуждали «поэтичность» ранних философских опытов великого венца (Perloff, 2011). Дневниковая запись, отмечает М. Перлофф, может считаться некой протострокой поэтического текста, а рассматривать «Логико-философский трактат» как квазистихотворный текст — не такая уж фантастическая задача. Достаточно посмотреть на начало трактата и увидеть его сходство с поэтическими секвенциями (Витгенштейн, 1994, с. 5):

1. Мир есть все, что происходит.
- 1.1 Мир — целокупность фактов, а не предметов.
- 1.11 Мир определен фактами и тем, что это *все* факты.
- 1.12 Ибо целокупность фактов определяет все, что происходит, а также все, что не происходит.
- 1.13 Мир — это факты в логическом пространстве.
- 1.2 Мир подразделяется на факты.

Примечательно также, что и у русского футуриста, и у венского позитивиста речь идет о *факте*: у Витгенштейна — об атомарных фактах как элементах мира (*Мир есть совокупность фактов, а не вещей*), у Терентьева — о литературном факте как документальном (*Появился факт!!! / Лишенный всякого смысла, бесполезный, злой, никакой, неудобный, простой ябедный голый факт*). Скорее всего, интерес к факту тут — совпадение или дух времени (см. дальнейшее развитие «литературы факта» в 1920-е годы в СССР). Однако немаловажно, что жанр трактата порождает размышление о схожих явлениях.

В этой связи симптоматично также обращение к трактатному дискурсу на грани философии и поэзии у обэриутов-чинарей (особенно у Якова Друскина и Даниила Хармса). Друскин отмечал, что некоторые стихотворения Александра Введенского можно рассматривать как философские трактаты (в стихотворении «Ковер Гортензия» повторяющиеся элементы, в частности конструкции с личными местоимениями, Друскин считает логическими пропозициями, основанными на алогизме). Хармс в 1930-е годы уже словно подражает Витгенштейну, выстраивая ряд текстов как трактаты с нумерованными пропозициями⁴. Один из таких текстов, как и «Логико-философский трактат», открывается размышлением о «мире» (Сборище, 2000, т. 2, с. 395—396):

⁴ О логико-философских идеях Хармса в сопоставлении с Витгенштейном см.: (Ичин, 2005).

1. Мир, которого нет, не может быть назван существующим, потому что его нет.
2. Мир, состоящий из чего-то единого, однородного и непрерывного, не может быть назван существующим, потому что, в таком мире, нет частей, а, раз нет частей, то нет и целого.
3. Существующий мир должен быть неоднородным и иметь части.
4. Всякие две части различны, потому что всегда одна часть будет *эта*, а другая *та*.
5. Если существует только *это*, то не может существовать *то*, потому что, как мы сказали, существует только *это*. Но такое *это* существовать не может, потому что если это существует, то оно должно быть неоднородным и иметь части. А если оно имеет части, то значит состоит из *этого* и *того*.

Хармс нарочито использует метаязыковые маркеры трактатного дискурса: «назовем», «изобразим», «получаем», «мы видим», «мы говорим», «как мы говорили выше» и т. д. Друскин уже намеренно версифицирует свои трактатные миниатюры, как в текстах «Одно стоит...» или «Перерыв и космогонический трактат о мире» (последний явно пародиен по отношению к Лукрецию и его стихотворному трактату). Текст «Простая вещь» — уже метаязыковой трактат в обличье стихотворения, в котором высказывания перформативно-дискурсивно реализуют собственное содержание, при этом включается и нарративный режим высказываний: *Ходят слова по задворкам / Разговаривают сами с собой / Вещь обособилась в небе / Стала сама собой... <...> Простая вещь сама есть / Течение вещи в себе есть / Собственные границы определяет / Сама собой управляет... <...> Слова распались / Части слов / Обособились снова / Ходят слова* (Сборище, 2000, т. 1, с. 677—679). Пограничность жанра поэтического трактата тут особенно явственна.

Пропозициональность (логическая структурность высказываний) была свойственна и многим поэтам русского неоавангарда второй половины XX века и начала XXI века — Владимиру Казакову, Леониду Аронзону, Генриху Сапгиру. Особая актуализация Витгенштейна в русской поэзии произошла в 2010-е годы в контексте движения к объективированному письму. В 2011 году одновременно вышли две поэтические книги, в названии которых содержатся отсылки к витгенштейновским терминам: книга Кирилла Корчагина «Пропозиции» (Корчагин, 2011) и книга Аркадия Драгомощенко «Тавтология» (Драгомощенко, 2011). Что касается поэтического сборника Корчагина, он, как нам кажется, скорее проблематизирует, нежели развивает, принципы логического позитивизма (название стихотворения «Памяти логического позитивизма» звучит иронично). Здесь завязывается некоторый конфликт между преимущественно безличной, ассертивной формой строк-высказываний и их довольно эмоциональным содержанием. Думается, что тут Витгенштейн и связанная с ним традиция венского кружка послужили некой метафорой самого письма автора — письма, приближающегося к протокольному, хотя протоколирующего отнюдь не обыденные вещи и не на обыденном языке.

Книга Драгомощенко «Тавтология» содержит в своем названии технику письма, сознательно перенимаемую автором у Витгенштейна.

Сборник открывается стихотворением “Ludwig Josef Johann”, посвященным венскому философу и организованным как трактат о нем. Трактатность стиха выражается в употреблении только третьего лица и обобщенных логических пропозиций, над которыми производятся разнообразные действия. Начинается стих с утверждения, что *Витгенштейн давно в раю*, и в той же строчке утверждение дополняется модальным высказыванием *Вероятно, он счастлив*. Ниже следует многосложное рассуждение по мотивам философии Витгенштейна, в котором основные ключевые слова-термины «фраза», «рай», «язык», «форма», «модальность», «определенность» подвергаются логическому связыванию в один узел в рамках восьми строк, в которые укладывается предложение: *Фраза забыта, однако он знает, что ее знают все, / причем они тоже забыли, более того, даже не знают, о том, / что она, не возникая в раю, обречена появлению, — если / рай, как полнота языка, постоянен в стремлении / за собственные пределы, фраза обещает лишь форму, / т. е. тень вне источника света, но между тем / забвение модально, оно расслаивается и образует / пространство, в котором что-то определенно известно* (Драгомощенко, 2011, с. 15). Вводная фраза *Витгенштейн давно в раю* итерирована в рамках модальной логики «Известно, что», после чего следует некоторый диалог Витгенштейна с неизвестным собеседником, а в качестве одной из строк появляется цитата из самого философа. Последняя строчка подводит итог всем этим пропозитивным вариациям, уподобляя само стихотворение *окружающему шелесту, не говорящему никому — ничего*.

Перед нами поэтика не только неопределенности объекта, но и неопределенности субъекта. В этом стихотворении авторская субъективность вынесена за скобки и отдана на испытание третьему лицу, в данном случае — австрийскому логик⁵. Строки стихов Драгомощенко могут читаться как тезисы из трактата: *Тавтология не является мыслимой точкой / равновесия значений, но описанием пространства / между появлением смысла и его расширением. / Расширение (игра по принятым правилам на отвесном свету) / совмещается со строением отсутствия. / Отсутствие почти, — необходимый остаток, — / всегда недостаточно. / Недостаточность, стремясь к полноте, / включает субъект в предложение...* (Там же, с. 17). При этом разбиение на строки именно так, а не иначе, в отличие от жанра чистого трактата, превращает выстроенные пропозиции-высказывания в ритмическое биевание, в дискретные серии микровысказываний, имеющих ценность и самих по себе — как поэтических недоговоренностей (*всегда недостаточно*), и в составе окружающего целого как дискурсивных фрагментов общего смысла⁶. Интересно в данном стихе также то, что каждая новая пропозиция начинается со слова, которым оканчивается пропозиция предшествующая. Стих выглядит как цепная реакция определений базовых концептов «расширение», «отсутствие», «недостаточность» и далее, по ходу стиха, концептов «предложение», «речь», «форма», «окно», «зрение», «чтение» и т. д.

⁵ См. подробнее о диалоге Драгомощенко с Витгенштейном в (Родин, 2013; Павлов, 2015).

⁶ Письмо Драгомощенко именуется стиховедами «квантовым» (Корчагин, 2013; Орлицкий, 2021) в силу его неуловимой осцилляции между поэзией и прозой.

Витгенштейновская трактатность и ее трактовка у Драгомощенко продолжают отзываться и в современной русскоязычной поэзии, в особенности той, которая ассоциируется с линией объективизма. Объективистская оптика наиболее явна в некоторых циклах Александра Скидана. Стихи строятся из кратких пропозиций либо просто назывных конструкций: *подстрочный перевод последней строфы / истощение процедуры / выучивает язык / избыточная фигура поэта / однако оба движения / морфо-синтаксические единицы / кроме того / так понимаемая культура / опять-таки подражание / бежит на качели / ловит салит / трясет и не бьет стекла / в соответствии с тоской обитателей гор / внутреннее склонение / метрическая система / эвфоническое сужение / все что остается / от выдохшегося высказывания* (Скидан, 2005). Как видим, субъект на уровне языка в тексте отсутствует. Действия производятся с обрывочными высказываниями или же терминами — в данном случае, в частности, лингвопоэтическими. Термины превращаются в объекты окружающего мира наравне с другими вещами.

Объективистскую линию развивает также Никита Сафонов — как в своих выступлениях (ср. название одного из его докладов: «Топографии рассубъективаций»), так и в поэтических опытах; ср., напр., данный фрагмент: *В одну из теней, где / «непрерывность» не может быть расстоянием / светлого отпечатка на пальце стекла / проходит волна, удаляющаяся с ускорением / расходящегося бесконечного края. Приходится вспоминать / несколько дат, / или утверждений о слоистом устройстве символов диска, / до которых добирается глаз через скрытые руки, хватаясь / за прозрачную ветвь. / В одну из теней дороги / ты вписываешь с одной стороны молчащую фигуру / с оторванным языком, с другой — дыру в надписи, / растворяющей ожидание блокнота. Получая отрезки, / по которым можно высчитать сопротивление масштаба, / чтобы исключить попытку чтения карты. / Выстраивая на одном из темных участков / образы освещения в форме трактата, / смыкая страницы картин, увеличенные сами собой: / Остается просвет* (Сафонов, 2015). Такой стих читается как некий воображаемый трактат, а точнее сказать — как стихийные наброски к трактату о детализации видения мира. Объекты в нем претерпевают метаморфозы за пределами физики, и текст читается как тест на высказываемость определенных пропозиций и их сочетаемость с вещами. В цикле «Техника упрощения: объекты» происходит как будто сведенный к минимуму анализ неких объектов, словно теряющих свою материальность или нематериальность (такими объектами являются «железо» и «письмо», «мысль» и «ткань», «стол» и «дыра»). Любая попытка сказать о материальном объекте переносится здесь абстрактными понятиями, в силу чего сами абстрактные понятия предстают как попадающие в сферу зрения вещи: *Так, например, произведение, лежащее в ширине реки, / и река не видит своего дна; (нрзб) тоньше струи́ слова, рассеянного к берегам / всегда говорит только о теле, о другой возможности твоего, тоже другого, тела / строгие линии балок у края, неопиcуемый (как он говорит) звук, / близкий не к тишине, но к отсутствию. / <...> — Ты оставляешь предметность здесь растворяться, / в этой словесности* (Сафонов, 2010).

Рассмотренные примеры являют собой *пропозициональную поэтику*, в том смысле, что в этих текстах высказывания организуются не по привычным координатам *я-здесь-сейчас*, свойственным большинству лирических произведений. Сами эти инстанции *я, здесь, сейчас* подвергаются сомнению и испытанию. Поэтическая ткань создается в таких текстах из сбоев в линейности мира, линейности речи и линейности восприятия.

2. Пропозициональная поэтика в американском «языковом письме»

На Западе воздействие Л. Витгенштейна и его философии на художественные (в том числе поэтические) практики XX века было огромным. Достаточно указать на его ключевую роль в становлении концептуального искусства. Пропозициональная форма высказывания стала текстопорождающей для многих концептуалистских языковых акций — от Джона Кейджа и Сола ЛеВитта до Джозефа Кошута и группы *Art and Language*⁷.

Знаменитый «Трактат» Витгенштейна оказал большое влияние и на поэтов «языковой школы» в США. Так, Розмари Уолдроп отмечала в эссе «Размышление следует» (*Thinking of Follows*, 2000), что пропозиция как форма высказывания обладает качеством логической «замкнутости», и это качество можно использовать в стихе: «Спустя какое-то время у меня появилась страсть к подчиненным фразам, сложным предложениям. И я стала писать стихи в прозе. Меня восхищал Витгенштейн, восхищала форма пропозиции, с ее предельной закрытостью» (Уолдроп, 2022, с. 415).

Пропозициональная поэтика стала одной из характерных черт «языкового письма» у самых разных авторов⁸. Техника «нового предложения» американских поэтов исследует диалектику пропозиции и предложения. Предложение становится формальной единицей письма, аналогичной строке как формальному ограничителю. Поэтому, казалось бы, прозаический текст, линейно организованный, читается тут как поэтический, то есть со сквозными вертикальными, парадигматическими связями. Главным приемом оказывается не столько синтаксический параллелизм, сколько параллелизм логико-синтаксический. И форма трактата часто выступает здесь потому генеративной. Так устроены многие поэмы Рона Силлимана, в частности «Китайская записная

⁷ О «пропозициональных (метадискурсивных) практиках» раннего концептуализма размышляет один из участников этого движения Терри Смит: «Пропозициональность — в ее категориальной силе, а также материальности и временном характере — это то, к чему возвращается лингвистический концептуализм: это зерно, из которого он прорастает вновь» (Смит, 2023, с. 176). См. подробнее о возникновении концептуализма из философии Витгенштейна: (Фещенко, 2018).

⁸ О семантике предложения и семантике высказывания в аспекте поэтической прагматической см.: (Золян, 2014).

книжка» (*The Chinese Notebook*, 1977), построенная по модели витгенштейновских «Философских исследований» с их нумерованными последовательностями афоризмов:

5. Язык, прежде всего, есть вопрос политический. / 6. Я написал эту фразу шариковой ручкой. Если бы я использовал другую, / была бы это иная фраза? / 7. Это не философия, это — поэзия. И если я говорю так, тогда это становится живописью, музыкой или скульптурой; они оцениваются как таковые. Если есть возможные переменные, которые нужно учесть, то они, по крайней мере отчасти, носят экономический характер, т. е. касаются распределения и т. д. Кроме того, существуют и различные традиции критики. Может ли это быть хорошей поэзией, но плохой музыкой? Все-таки не думаю, что я бы назвал это танцем или городским планированием, разве что в шутку. / 8. Это — не речь, я записал ее (Силлиман, 2022, с. 567–568).

В этом же тексте рефлексирована витгенштейновская форма философствования в применении к поэтической практике *language poets*:

13. Я бы предпочел не обсуждать, имеет ли эта форма традицию отличную от той, которую предлагаю я, Витгенштейн и другие. Но каково ее воздействие на предложенную традицию? / 14. Является ли вклад Витгенштейна строго формальным? / 15. Возможность поэзии, аналогичной живописи Розенквиста, — характерная изобразительная деталь вплетена в беспредметную, формалистскую систему. / 16. Если бы это была не практика, а теория, знал ли бы я ее? (Там же, с. 568).

Свойственная трактатности форма пропозиций реализуется здесь в поэтической функции, сосредоточивая внимание на самой пропозиционной форме сообщения.

С ориентацией на «Трактат» Витгенштейна сделан текст Лин Хеджинян «Композиция клетки» (*The Composition of the Cell*, 1994). Здесь нет строф и нет видимых переходов между строками, будь то графических или синтаксических. Как и органическая клетка, строка-предложение замкнуто в себе, но в то же время может взаимодействовать и формально, и содержательно с другими строками текста. Хотя предложения и нумерованы, нумерация здесь и линейная, и нелинейная одновременно. На уровне целых чисел идет обычное возрастание от единицы до ста пятидесяти. А вот на уровне десятичных и сотых закономерность открывается случайности, и после 1.1 вдруг следует 1.6, а затем 2.13, ср. фрагмент из начала поэмы (Хеджинян, 2023, с. 205–207):

- 1.1 Долг писателя — в предложении.
- 1.6 Предложением излучаемы скалы зрачку.
- 2.13 Предпосылки покоятся между камнями.
- 2.14 Человек, о котором я говорю, пребывает в межчасье.
- 3.1 Исследование требует большего количества слов.

3.4 Слова предвидят чрезмерность места и времени.

3.5 Реальность в своей циркуляции позволяет являться предметам такими, каковы они там, где они есть.

4.2 Именно!

Имитируя строгую математическую структуру логико-философского трактата, «Композиция клетки» добавляет свободу случая, даруемую поэзией. В итоге ригидная структура трактата здесь оборачивается свободой комбинации и связывания пропозиций, той свободой, которая обеспечивается множественной полисемией поэтического высказывания.

Поэма открывается характерным автореферентным метавысказыванием *Долг писателя в предложении*, актуализирующим, как и полагается поэтическому дискурсу, двойной смысл слова «предложение». Из каких же предложений составлен этот текст? Большинство строк тут синтаксически представляют собой короткие повествовательные предложения с субъект-объектной предикацией: 2.13. *Предпосылки покоятся между камнями*; 2.14. *Человек, о котором я говорю, пребывает в межчасье*. Помимо этого, встречаются предложения вопросительные (10.14. *Связаны ли детали с вещами? являются ли катартичными вещи?*; 37.1. *Ты стража? вне себя? вокруг тела и кокона в котором оно?*) и номинативные (66.10. *Замещение*; 70.4. *Из разума изведенное тело*; 93.14. *И кто-то в них*).

Если на уровне когезии мы не наблюдаем здесь каких-то отклонений, то на уровне когерентности свои видны уже внутри самих предложений. Связность между следующими друг за другом пропозициями может присутствовать, а может и вовсе отсутствовать. Но в масштабе всего текста тем не менее просматриваются концептуальные ряды, основанные на темах «познания», «реальности», «зрения», «времени», «телесности» и некоторых других. Многие предложения читаются как философские сентенции об этих концептах. А некоторые — как метавысказывания о самом процессе письма и языковой рефлексии: 3.1 *Исследование требует большего количества слов*; 3.4 *Слова предвидят чрезмерность места и времени*; 13.5 *Я ставлю вопрос, и тут же возникает психе*. Из некоторых таких высказываний можно составить представление о самой технике построения подобного текста и употребления в нем языковых средств: 42.8 *Дисконтинуальность дарит возможность неоднократно вернуться к началу*; 52.13 *Изнутри появляется совершенный язык*; 54.7 *Вопрос «кто?» исчезает*; 75.14 *Ощущение нескончаемой первой половины*; 99.3 *Синтаксис является мерой с прибавочной стоимостью наслаждения*; 143.11 *Письмо и есть беспорядочное накопление заявлений и выводов*; 146.3 *Читая означает всматриваться*; 130.8 *Это является описанием, возмущенным частицами*. Частицы и другие дискурсивные слова выступают языковыми маркерами, переключающими регистры обыденного, философского и поэтического высказывания: 36.4 *Таким образом, я по-прежнему заявляю, что не собираюсь быть конечным результатом чего бы то ни было*; 38.14 *В конце концов, это базируется на признании*; 69.4 *И опять-таки*

это взрывная серия, череп в своей душе в своем черепе, etc.; 86.7 Может быть, конструктивность смогла бы длиться вечность; 102.13 Итак, где мы сделаем остановку? Они задают особый тип связности, который в конечном итоге читатель может достроить сам, блуждая в пространстве поэмы.

Референтами в таком «языковом письме» становятся сами элементы языка и дискурса, в силу чего поэтическая функция вступает во взаимодействие с метаязыковой. На это указывает и употребление дейктических выражений как отдельных строк-высказываний: 4.2. *Именно!*; 93.14. *И нечто в этом*; 150.14. *Хорошо б это знать*. В некоторых случаях эгоцентрические слова сами выступают концептами: 100.4 *Является ли наслаждением «это»?*; 100.5 *Не оканчивай это*; 93.5 *Наука, долг, выпуклость, волны*; 93.14 *И кто-то в них*; 94.14 *Кто-то должен их ощущать*. Если читатель трактата должен убеждаться в истинности-ложности выдвигаемых пропозиций, то чтение такой поэмы активизирует усилие и воображение читателя в множественной игре модальностей — деонтических, аксиологических и эпистемических.

Если Л. Хеджинян создает трактатную поэму из законченных предложений-строк, словно бы поэтизируя витгенштейновские языковые игры, то Чарльз Бернстин осуществляет обратное — делает стихотворной разбивку своего трактата «Искусственность поглощения» (*Artifice of Absorption*, 1987) (Bernstein, 1992, p. 59–60):

This series of references bleeds
into an interrelated group
of poems, in prose
formats, whose syntax spirals
outward in an open-
ended way. Such “imploded-sentence”
works can be contrasted
with another prominent tendency
in current poetry — the serial
ordering (juxta-
position) of more
syntactically orderly,
“tightly” structured sentences
in so-called “new sentence”
writing.

В таком гибридном дискурсе «поэмы-трактата» актуализируются сразу и поэтическая, и металингвальная функции языка. Возникает сквозная самореференция (сосредоточение пропозиции на самой себе): метатекстуальные маркеры одновременно вступают в нелинейные парадигматические связи в стиховом пространстве поэтического трактата. Бернстин выворачивает задачу Витгенштейна наизнанку, пытаясь писать трактаты стихом, философствуя верлибром.

Слияние поэзии с теоретическим дискурсом в широком спектре «языкового письма» осмысливается в эссеистике Боба Перельмана, выходца из Сан-Францисского фланга «языковой школы». Его программный текст «Маргинализация поэзии» (*The Marginalization of Poetry*, 1996)

представляет собой мини-трактат, написанный в стихотворной форме. Точнее, стихотворная его форма рефлексивно подвергается критике, порой самоироничной, в самом его развертывании. В текстах, включенных в эту книгу, реконструируется история и предыстория самого «языкового движения», причем методом реконструкции служит сама форма изложения. Эта гибридная форма критически-поэтического дискурса реализуется и в других сборниках Перельмана, таких как «Шрифт Брайля» (*Braille*, 1975) и *a. k. a.* (1979), в которых предложения читаются и как поэтические строки, и как философские афоризмы: *What I am proposing in these / anti-generic, over-genred couplets is not some // genreless, authorless writing, but a physically / and socially located writing where margins // are not metaphors, and where readers / are not simply there, waiting to // be liberated* (Perelman, 1996, p. 10).

Итак, на материале проанализированных текстов можно сделать вывод, что литературные практики «языкового письма» не сводятся лишь к поэзии. Границы между прозой и поэзией, свободным стихом и «несвободным» стихом, трактатом и эссе, практикой и теорией и здесь принципиально нарушаются. Многие из таких текстов пишутся и читаются одновременно и как высказывания, и как метавысказывания, как стихотворения, и как критические эссе. Опыт французской постструктуралистской теории воплощается в поэтической форме: критическая теория дискурса создается дискурсом поэтическим.

Мы можем заключить, что трактат в обличье поэмы — достаточно маргинальный жанр литературного дискурса: маргинальный и в смысле нечастой встречаемости в истории литературы, и в смысле пограничности между поэтическим и философским текстом. Тем ценнее для исследователя литературных форм и дискурсивных гибридизаций этот пограничный жанр, демонстрирующий творческое взаимодействие поэтического и научного дискурса в рамках текстуального эксперимента.

Отличительные языковые черты жанра трактата как научно-философского сочинения переносятся в поэтический текст. Это, во-первых, дискурсивные слова и выражения, передающие метатекстовый дейксис и процесс аргументации. Во-вторых, это специфическая субъективность *я-мы*, характерная для научного дискурса. В поэзии на переходах между этими субъективностями строятся дейктические сдвиги, подчас аномальные с точки зрения конвенциональной прагматики. Затем это отчетливая установка на пропозициональность как носитель истинности-ложности высказывания. Попадая в поэтический дискурс, эта установка сохраняет лишь свою формальную выраженность, в частности в практике версификации не строками, а предложениями. Параметр истинности-ложности в поэзии уступает место свободной игре модальностей, активирующей воображение читателя. И наконец, структурным свойством, перенимаемым стихом у трактата, является четкая математически упорядоченная членимость высказываний. Если в философии она служит инструментом последовательного логического вывода, то в экспериментальной поэзии такого толка остается лишь организационным принципом, в действительности часто ведущим не к логической

ясности, а к продуктивной семантической несвязности, когда когерентность как целостный смысл отдана на активную интерпретацию в процессе чтения художественного текста.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

Список литературы

- Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 1.
- Горбаневская Н. Мой Милош. М., 2012.
- Драгомощенко А. Тавтология: Стихотворения, эссе. М., 2011.
- Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. М., 2014.
- Ичин К. «Логико-философский трактат» по Хармсу // Столетие Даниила Хармса. СПб., 2005. С. 91–100.
- Корчагин К. Пропозиции: Первая книга стихов. М., 2011.
- Корчагин К. Распределенная речь: протяженность и дробность в поэзии Драгомощенко // Транслит. 2013. №13. С. 13–15.
- Опарина О. И. Жанр трактата как форма представления знаний // Вопросы прикладной лингвистики. 2015. №19. С. 92–99.
- Орлицкий Ю. Б. Особенности «квантового» письма Аркадия Драгомощенко // Новое литературное обозрение. 2021. №4 (170). С. 219–236.
- Павлов Е. Тавтологии Драгомощенко // Новое литературное обозрение. 2015. Вып. 1 (131). С. 289–301.
- Родин К. А. Поэт после Витгенштейна // Идеи и идеалы. 2013. Т. 5, №1, ч. 2. С. 16–22.
- Сафонов Н. Техника упрощения // Воздух. 2010. №4. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2010-4/safonov/> (дата обращения: 13.12.2016).
- Сафонов Н. Разворот полем симметрии. М., 2015. URL: <http://iknigi.net/avtor-nikita-safonov/96583-razvorot-polemsimmetrii-nikita-safonov/read/page-2.html> (дата обращения: 13.12.2016).
- «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях : в 2 т. М., 2000.
- Силлиман Р. Из «Китайской записной книжки» // От «Черной горы» до «Языкового письма»: Антология новейшей поэзии США. М., 2022. С. 567–570.
- Скидан А. Красное смещение. Москва; Тверь, 2005. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/skidan10-2.html> (дата обращения: 13.12.2016).
- Смит Т. Одна и пять идей: о концептуальном искусстве и концептуализме. М., 2023.
- Тит Лукреций Кар. О природе вещей / пер. Ф. Петровского. М., 1983.
- Уолдроп Р. Размышление следует // От «Черной горы» до «Языкового письма»: Антология новейшей поэзии США. М., 2022. С. 411–418.
- Фещенко В. В. Литературный авангард на лингвистических поворотах. СПб., 2018.
- Фещенко В. В. Языковое новаторство Андрея Белого в свете теории лингвокреативности // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. №1. С. 208–219.
- Хеджинян Л. Слепки движения = Masks of Motion: избранное из разных книг. М., 2023.
- Черняков А. Н. Метаязыковая рефлексия в текстах русского авангардизма 1910–20-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2007.

- Bernstein Ch. A Poetics. Cambridge, MA ; L., 1992.
 Perelman B. The Marginalization of Poetry. Princeton, 1996.
 Perloff M. Writing Philosophy as Poetry: Literary form in Wittgenstein // The Oxford Handbook of Wittgenstein / ed. by O. Kuusela and M. McGinn. Oxford, 2011. P. 714 – 728.

Об авторе

Владимир Валентинович Фещенко, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.
 E-mail: vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

Для цитирования:

Фещенко В.В. Тратат в обличье поэмы: пограничный жанр и особенности его языковой организации // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №2. С. 144 – 159. doi: 10.5922/2225-5346-2024-2-9.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

TREATISE DISGUISED AS POEM: THE BORDER-LINE GENRE AND ITS LINGUISTIC FEATURES

V. V. Feshchenko

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
 1 – 1 Bol. Kislovsky Pereulok, Moscow, 125009, Russia

Submitted on 10.11.2023

Accepted on 23.12.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2024-2-9

The hybrid genre of poetic treatise occupies a somewhat marginal position within the literary genres landscape. Nonetheless, it holds particular interest as a realm of interaction between artistic and scientific discourses, sometimes intertwining with everyday speech. In the twentieth century, the interplay between scientific and poetic texts, as well as between verse and prose, took on new experimental forms. Western literature saw the influence of Ludwig Wittgenstein and his philosophical treatise form on artistic practices, including poetry. Wittgenstein's "Tractatus Logico-Philosophicus" left a significant imprint on poets associated with the 'language school' in the USA. Furthermore, Wittgenstein's treatise and its interpretation by Arkadii Dragomoshchenko continue to reverberate in contemporary Russophone poetry, particularly within the objectivist line. The research material encompasses texts of poetic treatises from the Russian avant-garde (Ivan Terentyev, Daniil Kharms, and Yakov Druskin), contemporary Russophone objectivist poetry (Arkadii Dragomoshchenko, Aleksandr Skidan, and Nikita Safonov), and American 'language writing' (Ron Silliman, Lyn Hejinian, Charles Bernstein, and Bob Perelman). The article scrutinizes the linguistic characteristics of such discursive interaction within the experimental form of a 'treatise disguised as a poem'. Specific linguistic traits of the treatise genre, typically found in scientific and philosophical works, are transposed onto poetic texts. These include discourse words and expressions conveying metatextual deixis and the process of argumentation, a distinct I-We subjectivity characteristic of scientific discourse, a pronounced focus on propositionality as a determinant of truth or falsity, and a clearly delineated, mathematically ordered division of statements.

Keywords: poetic and artistic discourse, poetic treatise, metatext, deixis, subjectivity, utterance

The research is funded by grant No 19-18-00040 of the Russian Science Foundation and is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

References

«...Sborishche druzei, ostavlennykh sud'boyu». A. Vvedensky, L. Lipavsky, Ya. Druskin, D. Kharms, N. Oleinikov: «chinari» v tekstakh, dokumentakh i issledovaniyakh: V 2 t. [“...A gathering of friends abandoned by fate.” A. Vvedensky, L. Lipavsky, Y. Druskin, D. Kharms, N. Oleinikov: “chinari” in texts, documents and studies: In 2 vols.]. 2000. Moscow (in Russ.).

Bernstein, Ch., 1992. *A Poetics*. Cambridge, Mass; London, England.

Chernyakov, A. N., 2007. *Metazykovaya refleksiya v tekstakh russkogo avangardizma 1910 – 20-kh gg.* [Metalinguistic reflection in the texts of Russian avant-gardeism of the 1910 – 20s.]. PhD thesis. Kaliningrad (in Russ.).

Dragomoshchenko, A., 2011. *Tautologiya: Stikhotovoreniya, esse* [Tautology: Poems, Essays]. Moscow (in Russ.).

Feshchenko, V. V., 2018. *Literaturnyi avangard na lingvisticheskikh povorotakh* [The Linguistic Turns of the Literary Avant-Garde]. St. Petersburg (in Russ.).

Feshchenko, V. V., 2022. Andrey Bely's linguistic innovation in terms of theory of linguistic creativity. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 1, pp. 208 – 219, <https://doi.org/10.31912/pvrli-2022.1.22> (in Russ.).

Gorbanevskaya, N., 2012. *Moi Milosh* [My Milos]. Moscow (in Russ.).

Hejinian, L., 2023. *Slepki dvizheniya = Masks of Motion: izbrannoe iz raznykh knig* [Motion Casts = Masks of Motion: favorites from various books]. Moscow (in Russ.).

Ićin, K., 2005. Tractatus Logico-Philosophicus according to Kharms. In: *Stoletie Daniila Kharmsa* [Daniil Kharms' 100th anniversary]. St. Petersburg, pp. 91 – 100 (in Russ.).

Korchagin, K., 2011. *Propozitsii: Pervaya kniga stikhov* [Propositions: The First Book of Poems]. Moscow (in Russ.).

Korchagin, K., 2013. Distributed speech: length and fragmentation in Dragomoshchenko's poetry. *Translit*, 13, pp. 13 – 15 (in Russ.).

Oparina, O. I., 2015. The treatise genre as a form of knowledge presentation. *Voprosy prikladnoi lingvistiki* [Issues of Applied Linguistics], 19, pp. 92 – 99 (in Russ.).

Orlitskiy, Yu., 2021. The Characteristics of Arkady Dragomoshchenko's “Quantum” Writing. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 4, pp. 219 – 236 (in Russ.).

Pavlov, E., 2015. Dragomoshchenko's Tautologies. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1, pp. 289 – 301 (in Russ.).

Perelman, B., 1996. *The Marginalization of Poetry*. Princeton.

Perloff, M., 2011. Writing Philosophy as Poetry: Literary form in Wittgenstein. In: O. Kuusela and M. McGinn, eds. *The Oxford Handbook of Wittgenstein*. Oxford, pp. 714 – 728.

Rodin, K. A., 2013. Poet after Wittgenstein. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 5 (1 – 2), pp. 16 – 22 (in Russ.).

Safonov, N., 2010. Simplification Technique. *Vozdukh*, 4. Available at: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2010-4/safonov/> [Accessed 13 December 2016] (in Russ.).

Safonov, N., 2015. *Razvorot polem simmetrii* [Reversal by symmetry field]. Moscow. Available at: <http://iknigi.net/avtor-nikita-safonov/96583-razvorot-polemsimetrii-nikita-safonov/read/page-2.html> [Accessed 13 December 2016] (in Russ.).

Silliman, R., 2022. From “Chinese Notebook”. In: *Ot «Chernoi gory» do «Yazykovogo pis'ma»: Antologiya noveishei poezii SShA* [From Black Mountain to Language Writing: An Anthology of New American Poetry]. Moscow, pp. 567 – 570 (in Russ.).

Skidan, A., 2005. *Krasnoe smeshchenie* [Red Shift]. Moscow; Tver. Available at: <http://www.vavilon.ru/texts/skidan10-2.html> [Accessed 13 December 2016] (in Russ.).

Smith, T., 2023. *Odna i pyat' idei: o kontseptual'nom iskusstve i kontseptualizme* [One and Five Ideas: On Conceptual Art and Conceptualism]. Moscow (in Russ.).

Titus Lucretius Carus, 1983. *O prirode veshchei* [About the nature of things]. Translated by F. Petrovsky. Moscow (in Russ.).

Waldrop, R., 2022. Thinking of Follows. In: *Ot «Chernoï gory» do «Yazykovogo pis'ma»: Antologiya noveishei poezii SShA* [From Black Mountain to Language Writing: An Anthology of New American Poetry]. Moscow, pp. 411–418 (in Russ.).

Wittgenstein, L., 1994. *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Part 1. Moscow (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2014. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and structure of poetic text]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Vladimir V. Feshchenko, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

To cite this article:

Feshchenko, V. V., 2024. Treatise disguised as poem: the border-line genre and its linguistic features. *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 2, pp. 144–159. doi: 10.5922/2225-5346-2024-2-9.

